U 402
539

В 352/192
7245/Ж
И 402/539

ДОМЪ

ГРАФА

ОРЛОВА-ДЕНИСОВА,

ПРЕЖДЕ БЫВШІЙ

ГРАФА РОСТОПЧИНА.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГОТЬЕ.
1850.

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
54012-46

(Извлеченіе изъ 8 тетради Русской Старины).

2007041342

Съ исторіею дома, знаменитаго своимъ владѣльцемъ, неразлучна исторія его судьбы и даже самой мѣстности. Таковъ домъ, бывшій Графа Ростопчина въ Москвѣ на Лубянкѣ. Какъ самое зданіе, такъ и мѣстность его напоминаютъ не только славныя въ исторіи имена, но и важныя по своимъ послѣдствіямъ событія въ исторіи Отечественной.

По переселеніи Псковичей изъ покореннаго В. К. Василіемъ Іоанновичемъ Пскова, урочище церкви Введенія названо въ *Псковичахъ*, а нынѣшняя улица Лубянка въ тогдашнемъ посадѣ, именовалась *Срѣтенкою*. Тамъ, гдѣ нынѣ домы Графа Орлова-Денисова, бывшій Ростопчина, и Гиппіуса, въ XVII столѣтіи славились дворы боярина Князя Дмитрія Пожарскаго, Князя Ивана Хованскаго, Княгини Бахтеяровой, боярина Петра Головина. (1) Ето же мѣсто замѣчательно памятниками мужества и милосердія Пожарскаго—острогомъ, гдѣ онъ отбилъ Поляковъ, и богадѣльнею, гдѣ питалъ

нищихъ и престарѣлыхъ. Теперь тамъ нѣтъ и слѣда етихъ памятниковъ ; но они живутъ въ воспоминаніи. У храма Введенія Богоматери судьба соединила два дома , указывающіе на два историческія имени , громкія въ бытописаніяхъ Москвы— Пожарскаго и Ростопчина. Цѣль подвиговъ ихъ была одна : спасеніе Москвы и Россіи ; но какъ средства къ достиженію етой цѣли были различны, то и слава ихъ не одинакова. Одного подвигъ блистательный , другаго великій ; первый, какъ воинъ, приносилъ отечеству въ жертву свою жизнь, второй, какъ дипломатъ—не щадилъ своей личности для блага Россіи. Но Москва въ началѣ XVII вѣка не та была, какъ въ началѣ XIX, и Сигизмундъ III не то, что Наполеонъ. Въ Исторіи значеніе Пожарскаго уже опредѣлено и памятникъ ему съ Мининымъ на Красной площади возвѣщаетъ о его подвигѣ ; но Ростопчину суждено ожидать приговора отъ потомства, которое, безъ сомнѣнія, оцѣнитъ безпристрастно его дѣла и дастъ ему почетное мѣсто въ Исторіи.

Въ Москвѣ еще живы современники его, свидѣтели его подвиговъ въ самомъ затруднительномъ положеніи столицы и отечества. Домъ его составляетъ одну изъ ея достопамятностей, одинъ изъ прекраснѣйшихъ произведеній зодчества начала XVIII вѣка.

Любопытно было бы знать, кѣмъ и когда именно сооружены великолѣпныя сіи палаты, по ста-

рпнному обычаю, стоящія на широкомъ дворѣ, и не выступающія на улицу. Но въ документахъ мы не отыскали извѣстій объ етомъ. По изустному преданію и даже по стилю, зданіе ето относится къ царствованію Петра I, когда въ Москвѣ италіанскіе, французскіе и голландскіе зодчіе воздвигали палаты, церкви и башни.

Въ царствованіе Анны Ивановны здѣсь помѣщался Монетный дворъ, гдѣ чеканили монету, а въ царствованіе Елисаветы Петровны была Камеръ-Коллегія, замѣнившая Приказъ большой казны, который завѣдывалъ казенными сборами и распоряжалъ доходами всего государства. Въ 1793 году, какъ видно изъ Указателя Москвы и домовъ, ч. II, домъ етомъ принадлежалъ Камеръ-Юнкеру Ивану Григорьевичу Наумову, (2) отъ котораго потомъ поступилъ въ собственность Князя Волконскаго, а отъ него во владѣніе Князя Прозоровскаго. Старожилы помнятъ, какъ пребывалъ здѣсь Турецкій Посолъ въ исходѣ XVIII столѣтія. Послѣ кончины Кн. Прозоровскаго, вдовствующая его супруга, кавалерственная Штатсъ-дама Анна Михайловна въ 1811 году, Августа 3, продала етотъ домъ Графу Ѳедору Васильевичу Ростопчину. Напослѣдокъ отъ сына его, по арміи Поручика Графа Андрея Ѳедоровича Ростопчина, въ 1842 году, Апрѣля 8, перешелъ онъ во владѣніе Генерала отъ Кавалеріи Графа Василья Васильевича Орлова-Денисова, одного изъ героевъ 1812 года.

Теперь принадлежитъ сыну его, Полковнику Графу Николаю Васильевичу.

Такъ въ теченіе столѣтія домъ етотъ переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ одной фамиліи къ другой. По владѣльцамъ своимъ, онъ получилъ значеніе не только въ исторіи древней столицы, но и всей Россіи. Изъ нихъ особенно обращаетъ на себя вниманіе Московскій Главнокомандующій Графъ Ростопчинъ, сроднившій свое имя съ судьбою Москвы въ 1812 году, какъ мы замѣтили выше. Если драгоцѣненъ для насъ надгробный памятникъ надъ прахомъ великаго мужа, то тѣмъ драгоцѣннѣе его домъ, представитель его образа жизни и его обихода, свидѣтель его дѣлъ и словъ, предсмертныхъ обѣтовъ, воздыханій и молитвъ. Тамъ его нѣмой прахъ, здѣсь его духъ; тамъ мрачно и таинственно; здѣсь все еще живо и очевидно. Рѣдко кто посѣтитъ его загородную и уединенную могилу, которая только возвѣщаетъ общій человѣчеству удѣлъ—тлѣніе; но всякъ, кто пройдетъ мимо дома его, по большой улицѣ города, невольно вспомнитъ знаменитаго хозяина. Такъ жители береговъ Темзы, Сены и Рейна съ нѣкоторымъ подобострастіемъ останавливаются предъ домомъ Графа Ростопчина въ Москвѣ и указывая на него, говорятъ: «Здѣсь жилъ тотъ, кто «сжегъ Москву, уступленную Наполеону».

Когда Наполеонъ, вооруживъ противъ Россіи почти всю Западную Европу, двигалъ войска свои

къ предѣламъ нашего отечества: тогда Императоръ Александръ I приказомъ изъ Вильны отъ 29 Мая, 1812 года назначилъ въ Москву Главнокомандующимъ Графа Ростопчина, друга Суворова, любимца Императора Павла I, извѣстнаго Государю по его патріотическимъ письмамъ объ опасностяхъ, грозящихъ Россіи отъ Франціи. Тогда Графъ жилъ въ Московскомъ своемъ домѣ на Лубянкѣ. Еще за нѣсколько времени предъ тѣмъ, онъ своими сочиненіями вооружался противъ слѣпаго пристрастія Русскихъ ко всему Французскому и какъ бы приготовлялъ ихъ къ той годинѣ, которая потребовала жертвъ для спасенія отчизны. Іюня 12 непріятель переправился чрезъ Неманъ, 16 вступилъ въ Вильну. Въ слѣдъ за манифестомъ отъ 6 Іюля и воззваніемъ къ Москвѣ, Александръ I явился въ древнюю столицу. Въ ету грозную годину Ростопчинъ занималъ важнѣйшій постъ въ Государствѣ ; Государемъ ему *приказана была Москва*, сердце Россіи, гдѣ ему должно было охранять духъ народный отъ обольщеній завоевателя и внутреннихъ враговъ, беречь отъ упадка нравственныхъ силъ. (3) Тогда Московскій Главнокомандующій обнаружилъ всю свою дѣятельность въ изысканіи способовъ къ вооруженію: имъ собраны были милліоны рублей и десятки тысячь ополченія, снабженнаго одеждою и провіантомъ. Первый округъ етого ополченія былъ ввѣренъ его управленію. Предъ отъѣздомъ изъ Москвы, Государь пожало-

валъ Ростопчину свой вензель на еполеты, сказавъ: «Теперь я у тебя на плечахъ». (4) Въ теченіе мѣсяца собрано и отправлено Ростопчинымъ въ армію 12 полковъ, такъ что уже потомъ числительная сила всего перваго округа состояла изъ 121,537 человѣкъ. Съ самаго вступленія своего въ должность Главнокомандующаго, начавъ дѣйствовать на духъ народа своимъ примѣромъ и воззваніями, писанными имъ въ его тонѣ и вкусѣ, онъ приготовлялъ Русскихъ къ войнѣ народной. Въ часы скорби и недоумѣнія народа онъ пробуждаетъ въ немъ бодрость, вызывая рогатины и тройчатки Московскія и подмосковныя на смертный бой съ пушечными ядрами, гранатами и съ палашами Наполеоновыхъ солдатъ. Для предупрежденія съ одной стороны порыва народной ненависти къ врагамъ, съ другой для удаленія изъ столицы шпіоновъ, онъ отправилъ изъ нее на баркахъ Французовъ, пребывавшихъ въ Москвѣ. (5)

Между тѣмъ какъ Московскій Градоначальникъ дѣйствовалъ на умы народа своими воззваніями, массы Наполеоновыхъ войскъ нагрянули на Смоленскъ; 8 Августа Графъ Кутузовъ, полководецъ-дипломатъ, питомецъ Румянцова и Суворова, назначенный Главнокомандующимъ, 22 Августа, остановился на поляхъ Бородинскихъ въ ожиданіи рѣшительной битвы. Ростопчинъ спрашивалъ Кутузова: «что̀ будетъ съ Москвою?» Сей отвѣчалъ: «что съ потерею столицы соединена потеря Рос-

« сіи ». Но Ростопчинъ, чѣмъ ближе видѣлъ опасность, тѣмъ болѣе вооружался мужествомъ и твердо стоялъ на стражѣ Москвы, принимая дѣятельнѣйшія мѣры къ сохраненію въ ней благоустройства и тишины, одушевляя жителей ея отрадною надеждой и бодростью. Спокойствіе въ столицѣ не прерывалось. Послѣ Бородинской битвы, Московскія улицы наполнились обозами раненыхъ; Ростопчинъ съ обывателями Москвы поспѣшилъ къ нимъ съ утѣшеніемъ и помощію, какъ посредникъ между народомъ, напрягающимъ всѣ свои гражданскія силы, и между воинами, подвизающимися противъ врага многочисленнаго и отчаяннаго. Между тѣмъ отправляются изъ Москвы Присутственныя мѣста и Учебныя заведенія въ Казань, Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и 175 пушекъ въ Нижній-Новгородъ. Оставался одинъ Сенатъ, не прекращавшій своихъ дѣйствій до 29 Августа. «Жители требуютъ оружія», писалъ Ростопчинъ, « и оно готово; но я имъ вручу « его наканунѣ того дня, который долженъ рѣ« шить участь Москвы. Если Провидѣніе опредѣ« лило Наполеону въ нее войти, онъ не найдетъ « ничего для удовлетворенія своего корыстолюбія. « Деньги будутъ вывезены; вещи зарыты; ар« мія и Москва соединятся во едино для спасенія « Россіи ».

Въ такомъ положеніи вниманіе всей Москвы устремлено было на домъ Ростопчина; въ него съѣ-

Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

зжались на совѣщаніе Преосвященный Августинъ и сановники столицы, другіе стекались сюда съ вопросами, на кои получали обоюдные отвѣты. Казалось, въ немъ жила тогда судьба Москвы, которая высказывалась народу въ гадательныхъ афишкахъ. Близка была развязка етой драмы.

Столица день ото дня пустѣла ; но остававшіеся въ ней жители не робѣли и толпились у Арсенала, откуда Ростопчинъ велѣлъ выдавать имъ оружіе. Ожидали сраженія подъ Москвою и даже на улицахъ ея. Обнадеживаемый Кутузовымъ, Ростопчинъ призывалъ Москвичей именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. «Вооружитесь, писалъ онъ въ афи-«шкѣ, вооружитесь, чѣмъ кто можетъ и конные «и пѣшіе ; возьмите только на три дни хлѣба ; «идите со крестомъ, возьмите хоругви изъ церквей «и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на «Трехъ Горахъ. Я буду съ вами и вмѣстѣ истре-«бимъ злодѣя». Между тѣмъ Московскій Главнокомандующій съ Преосвященнымъ Августиномъ отправилъ на трехъ стахъ подводахъ въ Нижній-Новгородъ сокровища государственныя и церковныя и на Поклонной горѣ, въ виду столицы, онъ, встрѣтивъ Фельдмаршала Кутузова, имѣлъ съ нимъ совѣщаніе и разстался въ полной увѣренности, что Москва не достанется врагамъ. Когда остальные жители ея готовились къ битвѣ, когда Ростопчинъ одушевлялъ ихъ надеждою и мужествомъ: тогда

на Филяхъ въ военномъ совѣтѣ рѣшено было Кутузовымъ сдать столицу непріятелямъ, чтобы тѣмъ приготовить имъ вѣрную гибель. Вечеромъ 1 Сентября прискакалъ въ домъ къ Ростопчину курьеръ съ письмомъ отъ Кутузова, который увѣдомляетъ его, что «Москва сдается Наполеону».—Ета вѣсть поразила Ростопчина; но опасность была близка; вокругъ столицы уже пылали села и деревни; непріятельскія полчища двигались къ заставамъ Москвы, а Русскія войска среди обозовъ съ ранеными тянулись чрезъ пустѣвшую столицу. Градоначальнику надобно было окончить свое дѣло. Онъ даетъ знать Преосвященному Августину о скорѣйшемъ отъѣздѣ его во Владиміръ съ чудотворными иконами Иверскою и Владимірскою, приказываетъ разбивать бочки съ виномъ на винномъ дворѣ и въ кабакахъ, отправляетъ изъ Москвы пожарную команду съ заливными трубами и до 17 тысячь больныхъ и раненыхъ изъ гошпиталей, и освобождаетъ изъ ямы и острога содержавшихся за долги. Въ тотъ же день Ростопчинъ посылаетъ къ Государю слѣдующее донесеніе: «Адъютантъ Князя «Кутузова привезъ мнѣ письмо, въ коемъ требуетъ «отъ меня полицейскихъ офицеровъ для сопрово- «жденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ гово- «ритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. «Государь! поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій «столицы и Вашей Имперіи. Россія содрогнется «отъ уступленія города, гдѣ сосредоточивается

«величіе Россіи, гдѣ прахъ Вашихъ предковъ. Я «послѣдую за арміей. Я все вывезъ; мнѣ остается «плакать объ участи моего отечества». Изъ сотенъ тысячъ жителей въ Москвѣ оставалось не болѣе десятка; между ними тогда должно предполагать шпіоновъ Наполеона, вѣроломныхъ, буйныхъ и легкомысленныхъ, которые могли воспользоваться отсутствіемъ властей и карауловъ. Но Графъ Ростопчинъ такъ умѣлъ распорядиться, что въ это смутное время, никто не предавался своеволію и буйству, какого должно было ожидать. Послѣдняя его афишка, 2 Сентября утромъ въ понедѣльникъ, раздавалась въ его домѣ Правителемъ Канцеляріи П. П. Руничемъ. Тамъ на дворѣ при стеченіи народа, собиравшагося въ ожиданіи Графа на Три горы, произнесенъ и конченъ судъ надъ сыномъ пивовара, переводившимъ и распространявшимъ прокламаціи Наполеона. (6)

Когда черпь устремилась за виновнымъ, тогда въ 10 часовъ утра достопамятнаго понедѣльника Ростопчинъ выѣзжаетъ верхомъ изъ своего дома; у Яузскаго моста встрѣчается съ Фельдмаршаломъ Кутузовымъ, который отвѣчалъ на вопросы его молчаніемъ. У Дорогомиловской заставы Наполеонъ, ожидавшій почетной встрѣчи, тщетно спрашивалъ: «гдѣ Начальство? гдѣ Начальникъ Моск«вы?» Отзывомъ ему было пламя пожара, которое разлилось по Замоскворѣчью, потомъ по Китаю городу. Съ вступленіемъ Наполеона въ Кремль

пожаръ забушевалъ въ другихъ частяхъ города. «Москвы болѣе нѣтъ!» воскликнулъ Наполеонъ, «войско лишилось обѣщанной мною награды. Рус-«скіе сами зажигаютъ! Какая чрезвычайная ре-«шимость!»—Войско его, утомленное и походами и битвами, и голодомъ, ожидало найти въ пространной и богатой Москвѣ покойныя квартиры, обильное продовольствіе и роскошную поживу, а онъ мечталъ предписать Россіи въ Москвѣ выгодный и славный для себя миръ. Могъ ли Наполеонъ жечь городъ, для него необходимый, уничтожить добычу, пріобрѣтенную столькими жертвами? За чѣмъ же ему и учреждать слѣдственную Коммисію для открытія и наказанія зажигателей? Ростопчина Наполеонъ и Французы признали Геростратомъ Москвы; но Ростопчинъ, къ общему удивленію, отрекся въ Парижѣ отъ этого великаго подвига и приписывалъ его Наполеону, который, только предъ выходомъ своимъ изъ Москвы, взорвалъ часть Кремлевскихъ зданій и тѣмъ оправдалъ предположеніе Ростопчина, какъ увидимъ далѣе. Столь противорѣчущія одно другому свѣдѣнія поставляютъ въ недоумѣніе Исторію о томъ, кто сжегъ! Наполеонъ самъ признавался, что «Московскій по-«жаръ уничтожилъ всѣ его надежды». Но послушаемъ, что писалъ Ростопчинъ къ Императору Александру отъ 13 Сентября 1812 года: «Я въ «отчаяніи, что Кутузовъ скрывалъ отъ меня свое «намѣреніе; потому что я, не бывъ въ состояніи

«удерживать города, зажегъ бы его и лишилъ бы «Бонапарта славы взять Москву, ограбить ее и «потомъ предать пламени. Я отнялъ бы отъ Фран«цузовъ и плодъ ихъ похода и пепелъ столицы. «Я заставилъ бы ихъ думать, что они лишились «великихъ сокровищъ и тѣмъ бы доказалъ имъ, «съ какимъ народомъ они имѣютъ дѣло». Потомъ онъ пишетъ: «Если бъ Кутузовъ сказалъ мнѣ за «два дни прежде, то я зажегъ бы городъ, отпра«вивши изъ него жителей». Тогда жребій древней столицы былъ въ рукахъ у военачальника и градоначальника. Хотя они скрывали одинъ отъ другаго свои планы; но проникали ихъ. Первый до послѣдняго дня обнадеживалъ, что будетъ защищать Москву и въ улицахъ ея сражаться съ непріятелемъ. Иначе какъ бы могъ онъ провести войска черезъ городъ, объятый пламенемъ и не погасить духа въ воинахъ, питавшихъ вражду къ иноплеменникамъ?

Отчаянной рѣшимости своей не скрывалъ и самъ Ростопчинъ. Еще до Бородинской битвы онъ писалъ къ Князю Багратіону: «Народъ здѣшній ре«шительно умретъ у стѣнъ Московскихъ и когда «въ благомъ предпріятіи Богъ ему не поможетъ, «то слѣдуя Русскому правилу: *не доставайся «злодѣю*—обратитъ городъ въ пепелъ, и Напо«леонъ получитъ, вмѣсто добычи, мѣсто, гдѣ бы«ла добыча?»

Первый пожаръ, 2 Сентября вечеромъ, въ За-

москворѣчьи произведенъ въ виду непріятелей, по приказнію Графа Ростопчина, слѣдственнымъ Приставомъ Вороненковымъ, который отправился тогда на Винный и Мытный дворы, въ Коммиссаріатъ, на казенныя и партикулярныя барки у Краснаго холма и Симонова монастыря, для истребленія всего огнемъ. Такое событіе, подтвержденное историкомъ 1812 года, Генераломъ Михайловскимъ-Данилевскимъ, открываетъ, что Графъ Ростопчинъ первый зажегъ Москву для спасенія Россіи. Его примѣру послѣдовали и сами жители Москвы. Такъ Каретный рядъ въ Земляномъ городѣ зажженъ былъ самими хозяевами лавокъ, вскорѣ послѣ того, какъ французскіе генералы, осмотрѣвъ екипажи, отмѣтили ихъ для своего употребленія. Свидѣтельство Михайловскаго-Данилевскаго подтверждается слѣдующими словами Г. Бутурлина: «болѣе ревностный гражданинъ, чѣмъ воинъ, Ростопчинъ, не «могши спасти столицу, вознамѣрился разорить ее «до основанія для спасенія Россіи. Предпріятіе ето, «достойное древняго Римлянина, приведено имъ въ «дѣйство съ совершеннымъ искусствомъ. Отступле«ніе арміи воспрепятствовало ему зажечь тогда Мо«скву; но, по его распоряженію, сгараемыя вещества были разложены во многихъ домахъ, остав«ленныхъ жителями; толпа наемныхъ зажигателей «разсѣяна по городу, подъ надзоромъ переодѣтыхъ «полицейскихъ офицеровъ; всѣ заливныя трубы и «пожарные инструменты вывезены».

И такъ; что же заставило Ростопчина добровольно отказаться отъ вѣнца безсмертія? Етотъ вопросъ только отчасти разрѣшаютъ обстоятельства его жизни въ Парижѣ, гдѣ онъ обнародовалъ свое отреченіе отъ славы. Конечно, съ его стороны это была великая жертва, можетъ статься, вызванная ничтожными случаями. Въ Парижѣ онъ сдѣлался предметомъ народнаго любопытства, какъ передаетъ намъ очевидецъ. (7) Куда онъ ни показывался, на него указывали, какъ на зажигателя; въ журналахъ печатались разныя пасквили на его личность; въ балаганахъ появлялись вывѣски, гдѣ онъ изображенъ былъ какимъ-то чудовищемъ съ факеломъ, зажигающимъ Москву и съ надписью: «Venez voir «l'Erostrate Rostoptzin méttant le feu à la grande «ville de Moscou». Представленіе соотвѣтствовало вывѣскѣ. Но въ тоже время появились тамъ стихи:

Rostoptzin aima mieux dans son ardent courage
Brûler Moscou, que de nous recevoir.
Nous sommes plus polis; chacun de nous, je gage,
Brûle dans ce moment de désir de le voir.

Читатели наши найдутъ подробности объ этомъ, еще вполнѣ не рѣшеномъ предметѣ въ сочиненіяхъ Михайловскаго-Данилевскаго, Бутурлина, Бантышъ-Каменскаго и другихъ; но мы обратимся къ личности Ростопчина и участи его Московскаго дома, возобновившаго въ памяти нашей незабвенныя событія 1812 года.

Графъ Ѳедоръ Васильевичь, дѣйствуя на умы соотчичей собственнымъ примѣромъ и словомъ, зажегъ свои домы, одинъ въ Москвѣ на бывшей Брюсовой дачѣ Катишкѣ, другой въ селѣ Вороновѣ на старой Калужской дорогѣ, самъ выѣхалъ во Владиміръ. Въ изображенномъ здѣсь домѣ его на Лубянкѣ остановился Генералъ-Адьютантъ Наполеоновъ, Графъ Лористонъ, предлагавшій миръ Кутузову отъ имени своего Императора. Предъ выходомъ своимъ Французы начинили порохомъ всѣ трубы въ печахъ; но, къ счастію, истопникъ, замѣтивъ сіе, предупредилъ истребленіе палатъ своего господина.

Какъ скоро непріятель оставилъ древнюю столицу, а Платовскій IV съ казаками, вступилъ въ нее, Графъ Ростопчинъ поспѣшилъ на ея дымящееся пепелище, еще заставъ пожары, произведенные непріятелями въ Китаѣ и Кремлѣ, улицы, покрытыя трупами человѣческими и смердящею падалью. Крестьяне и казаки расхищали соляные магазины, винные подвалы, кладовыя. Прежде всего распорядительный начальникъ столицы занялся водвореніемъ порядка, потомъ обратилъ вниманіе на несчастныхъ жителей, коихъ нашелъ только 3000 человѣкъ. Безпріютныхъ онъ размѣстилъ по квартирамъ, лишеннымъ необходимыхъ способовъ къ существованію доставилъ одежду и продовольствіе. На дворъ дома его сбирались они толпами для полученія вспоможеній.

Графъ Ростопчинъ очистилъ Воспитательный Домъ, превращенный Наполеономъ въ лазаретъ, и госпитали, наполненные полусогнившими трупами; открылъ на площади противъ дома Генералъ-Губернатора на Тверской и на Моисеевской площади ярмарку, куда свозили изъ окрестностей съѣстные припасы. Въ день освященія соборной церкви въ Срѣтенскомъ монастырѣ онъ читалъ тамъ извѣстія о побѣдахъ Русскихъ надъ войсками Наполеона и велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ, отбитыхъ у непріятеля. Тогда Москва начала оживать и обстроиваться. Ростопчинъ вездѣ являлся утѣшителемъ и помощникомъ. Но Кремль до 1 Февраля 1813 года, по распоряженію Главнокомандующаго, былъ еще недоступенъ для жителей Москвы; они не знали, что съ нимъ сталось и что въ немъ дѣлалось. Торжественное открытіе его началось освященіемъ Архангельскаго собора и обнесеніемъ св. мощей Благовѣрнаго Царевича Мученика Димитрія вокругъ стѣнъ Кремлевскихъ. По освященіи Чудовской церкви, Графъ Ростопчинъ въ трапезѣ монастырской представилъ Преосвященному Августину 243 человѣка, наболѣе потерпѣвшихъ раззореніе; имъ роздано было 15,000 рублей.

Домъ Ростопчина, въ 1814 году, былъ свидѣтелемъ блистательнаго торжества о покореніи столицы Франціи побѣдоносному оружію Русскихъ и о заключеніи въ стѣнахъ ея славнаго мира, кото-

рымъ рѣшена судьба Наполеона. Тамъ на великолѣпномъ праздникѣ извѣстныя лица Московскаго Общества разыгрывали прологъ, сочиненный А. Пушкинымъ на сто торжество и пѣли стихи К. Вяземскаго. Въ день празднества у себя Графъ Ростопчинъ угощалъ Генераловъ и офицеровъ, бывшихъ въ дѣйствующей арміи, истинныхъ виновниковъ торжества Россіи и спасенія Европы. Тогда весь домъ его горѣлъ въ разноцвѣтныхъ огняхъ; на воротахъ и дворѣ его выставлены были щиты и аллегорическія картины, писанныя Витбергомъ по мыслямъ Ростопчина: онѣ изображали въ лицахъ низложеніе Наполеона: торжество Россіи и миръ міру. Толпы народа наполняли дворъ и улицу. Музыка гремѣла и Русскіе пѣсельники пѣли слѣдующую пѣсню, сочиненную, по порученію Графа Ростопчина, П. В. Сушковымъ и принятую съ восторгомъ:

Ой вы, дѣтки каменной Москвы! скорѣй!
Собирайтесь ближе, въ тѣсный кругъ, дружнѣй!
Добру вѣсточку повѣдаю я вамъ:
Добрый Царь ее прислалъ, родимый къ намъ,
Чтобы славили удалыхъ мы солдатъ,
Какъ взошли они въ Парижъ—далёкой градъ.
Грянемъ, въ голосъ, въ ладъ ударя по рукамъ:
Слава Богу, Александру и полкамъ!
Слава, слава Богу Русскому!
Слава, слава Царю—воину!
Слава, слава вѣрноподданнымъ!

О! ура! ура! ребятушки!
Исполать вамъ! вы со всѣхъ-то мѣстъ
Близкихъ, дальнихъ ополчился,
О! хвала и вамъ отважные
Воеводы и начальники.

Други! слушайте, какъ Царь въ Парижъ входилъ:
Онъ святые храмы Божьи не сквернилъ,
Онъ съ Угодниковъ оклады не срывалъ,
Онъ палаты каменны не выжигалъ,
И въ покоѣ онъ оставилъ весь народъ.
И никто-то нашихъ Русскихъ не клянетъ.
Грянемъ! въ голосъ, въ ладъ ударя по рукамъ:
Слава батюшкѣ—Царю! хвала полкамъ!

Слава, слава милосердому!
Слава, слава Царю-Ангелу!
Слава, слава вѣрноподданнымъ
Православнымъ, храбрымъ воинамъ!
О, хвала и вамъ, безстрашные
Полководцы и наѣздники!
Миръ и память вамъ, погибшіе
За отчизну, за любезную!

И въ Парижѣ, какъ въ Москвѣ теперь у насъ
Веселятся, да пируютъ въ добрый часъ!
Жены, дѣвы, стары, малы, весь народъ
Мимо Русскихъ, не боясь себѣ идётъ;
Принимаетъ, какъ друзей, въ домахъ своихъ,
Угощаетъ, а не прячется отъ нихъ.
Грянемъ, грянемъ! дружно, въ громки голоса:
Слава! слава! укротились небеса!

Слава, слава Богу Господу!
Слава, слава Царю-Ангелу!

Слава, слава вѣрноподданнымъ,
Православнымъ, храбрымъ ратникамъ!
О, хвала и вамъ, разумные
Воеводы и начальники!
О ура, ура, Святая Русь!
О ура, Москва родимая! (8)

Вскорѣ послѣ сихъ празднествъ, уволенъ былъ Ростопчинъ отъ званія Московскаго Главнокомандующаго и отправился въ чужіе краи для поправленія здоровья своего, изнуреннаго трудами и напряженіями. Онъ поселился въ Парижѣ, а безъ него Московскій его домъ опустѣлъ.

Съ возвращеніемъ Ростопчина изъ Парижа въ Москву, хотя домъ его оживился; но дворъ его свободенъ былъ отъ постоя блистательныхъ экипажей. Не многіе его навѣщали. Уже склонясь къ закату дней своихъ, онъ по собственнымъ его словамъ, «ждалъ смерти терпѣливо, безъ страха», и уединился дома. Потеря дочери, угасшей въ цвѣтѣ лѣтъ и красоты, скоро сблизила отца съ могилою. Конецъ свой Ростопчинъ встрѣтилъ, какъ хрістіанинъ, съ живою вѣрою и благочестіемъ. За четыре дни до смерти своей, напутствовавъ себя къ вѣчности Св. Тайнами Покаянія и Причащенія, онъ, предъ кончиною своей, потребовалъ портретъ сына своего, отдаленнаго отъ него обстоятельствами, и благословивъ его, поцѣловалъ; отпѣть себя завѣщавалъ одному приходскому Священнику и похоронить безъ малѣйшей церемоніи на Пятницкомъ

кладбищѣ за Крестовскою заставой, гдѣ погребены были его дѣти. Января 18, 1826 года не стало Графа Ростопчина на 63 году отъ рожденія. Тѣло его, отпѣтое Священникомъ въ приходской церкви Введенія, проводили до самой могилы признательные граждане и друзья.

На мраморной плитѣ, покрывающей могилу Ростопчина, вырѣзана слѣдующая надпись, сочиненная имъ самимъ не задолго до своей кончины:

Посреди своихъ дѣтей
Покоюсь отъ людей.

Отъ судьбы владѣльца перейдемъ къ судьбѣ самаго дома его. Въ 1842 году онъ, какъ выше замѣчено, перешелъ отъ Графа Андрея Ѳедоровича, Ростопчина во владѣніе къ Генералу отъ Кавалеріи, Графу Василью Васильевичу Орлову-Денисову. Здѣсь мѣсто гражданскаго героя занялъ богатырь, которому въ 1812 году принадлежитъ честь первыхъ выстрѣловъ. При переходѣ Наполеона чрезъ Неманъ, онъ съ Лейбъ-Казачьимъ полкомъ разбилъ три ескадрона Французскихъ гусаровъ. Кто изъ Русскихъ забудетъ, что смѣтливость и рѣшимость Орлова-Денисова подъ Тарутинымъ и Лейпцигомъ, увѣнчали наше войско славными побѣдами! Въ 4 день Октября, когда мужествомъ Орлова-Денисова низпровергнута была вѣрная надежда Наполеона на побѣду, Императоръ НИКОЛАЙ I въ 1832 году повелѣлъ установить праздникъ Лейбъ-Казачьяго полка для увѣковѣченія сего подвига. Такимъ об-

разомъ лучшій день славы Орлова-Денисова, какъ замѣчаетъ историкъ достопамятной войны, сталъ вѣчнымъ праздникомъ его сподвижниковъ. Провидѣніе предоставило достойному сыну его, Графу Николаю Васильевичу, въ родительскомъ домѣ 1847 года, торжествовать етотъ праздникъ, напоминающій ему славные подвиги доблестнаго отца его, котораго мужество, преданность Царскому Престолу и отечеству и гостепріимство онъ наслѣдовалъ. Въ жизни Графа Николая Васильевича и въ исторіи его дома празднество ето достопамятно не однимъ блескомъ и великолѣпіемъ, не однимъ радушіемъ и любезностью хозяина и хозяйки, ни веселостію множества гостей, но знаменито участіемъ въ немъ Атамана всѣхъ Казацкихъ войскъ, Наслѣдника Престола Цесаревича Великаго Князя АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, который присутствіемъ своимъ украсилъ етотъ Казачій праздникъ.

Въ 1849 году 10 Апрѣля, здѣсь на другомъ балѣ, не менѣе прежняго блистательномъ и роскошномъ, первенствующими гостями были Ихъ Императорскіе Высочества Великіе Князья Наслѣдникъ Престола, Цесаревичъ АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЬ, МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЬ и КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЬ, также Гессенскій Принцъ Александръ. Ето пиршество, гдѣ было до 500 посѣтителей, отличалось всѣмъ, что богатство, вкусъ и радушіе хозяина могли изобрѣсти прекраснаго и великолѣпнаго.

Такимъ образомъ етотъ памятникъ зодчества въ началѣ XVIII вѣка, свидѣтель столь замѣчательныхъ событій, одинъ изъ немногихъ въ Москвѣ сохранилъ еще донынѣ во внѣшности своей особенный типъ, коимъ отличается отъ другихъ зданій новѣйшей архитектуры въ Москвѣ. Видомъ своимъ онъ походитъ на Царскія и боярскія палаты. Длина его 23, вышина 5, а ширина 3 сажени. Двухаршинныя его стѣны складены изъ 10 вершковаго кирпича съ связями изъ брусковаго желѣза.

Желая представить его въ первобытномъ видѣ, мы на рисункѣ его не помѣстили позднѣйшихъ къ нему придѣлокъ: подъѣзднаго крыльца и герба на Фронтонѣ.

При входѣ на прекрасную чугунную лѣстницу поставлены на тумбахъ двѣ мѣдныя пушки, пожалованныя Императрицею Екатериною II дѣду Графа Орлова-Денисова. Хотя въ первомъ этажѣ отчасти сохранилось прежнее расположеніе комнатъ; но въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, вмѣсто коробовыхъ сводовъ, сдѣланы потолки. Не распространяясь здѣсь о богатомъ и изящномъ убранствѣ, о прекрасныхъ произведеніяхъ живописи, не можемъ не замѣтить мастерскаго и любопытнаго изображенія Лейпцигской битвы, гдѣ на первомъ планѣ видѣнъ въ пылу сраженія Графъ Орловъ-Денисовъ рѣшающій съ Лейбъ-казаками его жребій въ виду Императора Александра I, стоящаго на холмѣ.

Нижній этажъ, прежде составлявшій подвалы

съ коробовыми сводами, недавно обращенъ въ жилые покои, гдѣ помѣщаются библіотека, аптека, кладовая и баня липовая ; подъ нимъ находится небольшой подвалъ.

Стиль фасада его не сходенъ съ стилемъ задней части, сохранившей еще слѣды первоначальнаго стиля зданія; онъ древнѣе фасада, какъ можно судить по окнамъ съ трехъугольными сандриками и по закладенной обширной аркѣ въ срединѣ, гдѣ, вѣроятно, былъ проѣздъ. Такое разнообразіе произведено передѣлкою дома Кн. Михайломъ Никитичемъ Волконскимъ около конца XVIII столѣтія. Сперва славный скульпторъ Юстъ, а потомъ Кампорези занимались украшеніемъ етихъ палатъ, гдѣ окна перваго етажа не соотвѣтствуютъ окнамъ нижняго, однѣ съ прямыми, другія съ дугообразными перемычками. Художники между окнами верхняго и нижняго етажей размѣстили полуколонки на базисахъ, однѣ ложчатыя, обвитыя вязью цвѣтовъ, другія гладкія съ капителями. Надъ ними сдѣланы клейма, увѣнчанныя коронами съ крестомъ, а сверху переплетенные между собою фестоны.

Согласно съ желаніемъ владѣльца художники, стараясь придать старинному его дому все возможное великолѣпіе, положили на немъ отпечатокъ своего отечественнаго вкуса, какой господствовалъ въ Европѣ въ XVIII столѣтіи.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ДОМЪ ГРАФА ОРЛОВА-ДЕНИСОВА.

1) Дворы въ Земляномъ и Бѣломъ городахъ, рукоп. скороп. въ 4, половины XVII вѣка, въ Архивѣ Оруж. Палаты.

2) Указатель Москвы, показывающій по азбучному порядку имена владѣльцевъ всѣхъ домовъ сей столицы, 2 ч. М. 1793, въ 8.

3) Словарь достопамятныхъ людей Русской земли, сост. Д. Н. *Бантышъ-Каменскимъ*, ч. III. Спб. 1847, въ 8.

4) Москвитянинъ на 1842 г. N 2.

5) Русскій Инвалидъ 1846 г. N 270.

6) Служившій при Графѣ Ростопчинѣ П. П. Руничъ сообщилъ мнѣ рѣчь, сочиненную первымъ и прочтенную отъ его имени тѣмъ французамъ, которые высылались изъ Москвы въ Нижній. Вотъ она:

Français!

Votre Empereur a dit dans une proclamation à sa bonne ville de Paris. «Français! vous m'avez dit tant de «fois que vous m'aimez, et vous pour convaincre votre

«Souverain de cette vérité, vous n'avez cessé de le servir «dans ces climats hiperborés où l'hiver et la désolation se «disputent la souveraineté». La tranquillité de la ville et votre propre salut, ordonnent impérieusement votre éloignement.

Le peuple Russe si grand et si généreux est pret à se porter aux extrêmités.

C'est pour lui épargner une tache et ne pas souiller l'histoire du récit d'un massacre—faible imitation de vos infernales fureurs nationales que je vous éloigne.

Vous irez habiter les bords du Volga au milieu d'un peuple paisible et fidèle à ses serments, qui vous méprise trop pour vous faire du mal. Vous quitterez pour quelque temps l'Europe et vous irez en Asie. Cessez d'être mauvais sujets et devenez bons. Métamorphosez-vous en bons bourgeois russes de citoyens français; restez tranquilles et soumis ou craignez un châtiment rigoureux; entrez dans la barque, rentrez dans vous-mêmes, et n'en faites pas une barque de Charon. Salut et bon voyage!

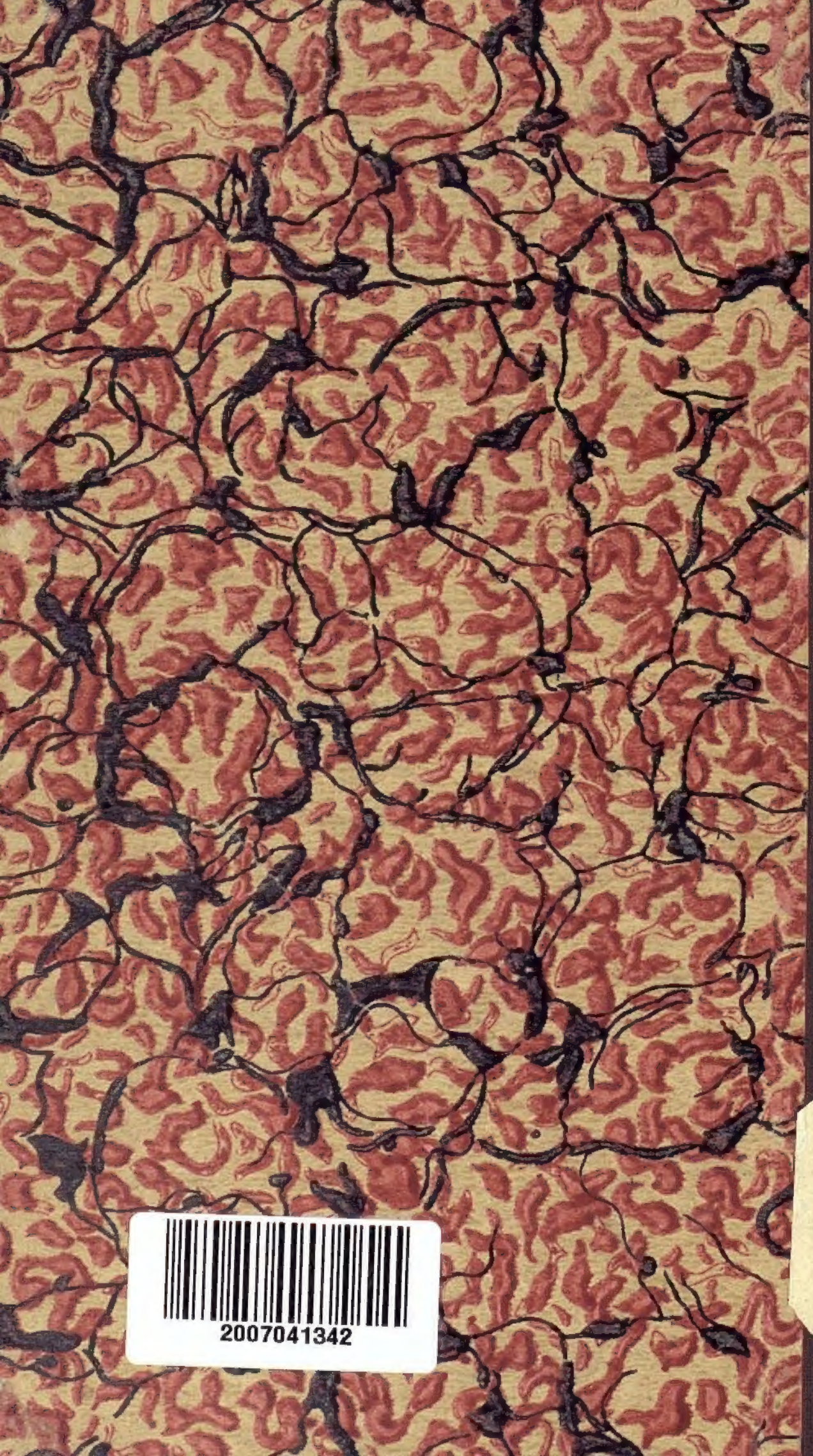
Signé,

Comte de Rostopchine.

Juil: 1812,
Moscou.

Печатать позволяется. Москва, Генваря 11 дня, 1850 года.

Цензоръ В. Флеровъ.



2007041342